

*Шамиль Фарахутдинов, Ламара Мехришвили,
Нина Ткачёва, Андрей Юдашкин*

АВТОНОМНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ПРИНЦИПА АДРЕСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ

Проблема бедности семей с детьми в России остается одной из наиболее актуальных и требующих решения. Хотя монетарная поддержка представляет собой важный инструмент борьбы с бедностью, современные механизмы социальных трансфертов оказываются не вполне эффективными. Эксперты считают, что решение данной проблемы возможно за счет адресности выплат, что предполагает тщательный отбор получателей государственной поддержки на основе четких критериев. Однако реализация этого подхода сталкивается с серьезными препятствиями, среди которых – ограниченность существующих теоретико-методологических разработок и необходимость расширения научного арсенала для более эффективного определения семей, нуждающихся в поддержке. В статье рассмотрен концепт автономности как основы для определения адресности социальной поддержки семей. Показано, что традиционно используемое в социальной политике понятие «благополучие» не позволяет полностью решать проблемы семей, в то время как автономность может служить более точным и эффективным критерием. В ходе эмпирического

Шамиль Фаритович Фарахутдинов – к.социол.н., доцент, ст.н.с., Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, Тюмень, Россия. Электронная почта: fshamil@mail.ru

Ламара Ленгизовна Мехришвили – д.социол.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет; директор, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия. Электронная почта: mehrishvilill@tyuiu.ru

Нина Алексеевна Ткачёва – д.социол.н., профессор, кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет; гл.н.с., Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия. Электронная почта: tkachevana@tyuiu.ru

Андрей Валентинович Юдашкин – аспирант, Тюменский индустриальный университет; мл.н.с., Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия. Электронная почта: ajelers@gmail.com

исследования, реализованного через анкетный опрос семей в Тюменской области и с помощью кластерного анализа, авторы построили типологию семей на основе уровня их автономности. Результаты показали вариативность автономности семей и ее зависимость от множества факторов, в том числе территориальных. Авторы обращают внимание на ключевую роль в обеспечении качества жизни семей региональной политики, на важность адаптации социальной поддержки к специфике каждого региона и необходимость учета индивидуальных особенностей и потребностей семей при формировании и реализации мер поддержки.

Ключевые слова: семья, социальная политика, адресность, благополучие, автономность, типология, регион

Цитирование: Фарахутдинов Ш., Мехришвили Л., Ткачёва Н., Юдашкин А. (2024) Автономность как критерий принципа адресности государственной социальной поддержки семей. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (2): 319–338.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338

На протяжении последних десяти лет показатели бедности в нашей стране демонстрируют стабильность. По данным Росстата, за период с 2010 по 2023 гг., доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в РФ колебалась в пределах от 10,7% до 14,3%. По итогам первого полугодия 2023 г. этот показатель составил 11,9% (Росстат 2023). Следовательно, проблема бедности российского населения остается актуальной и в определенном смысле «хронической», требующей комплексного и системного подхода к ее решению.

Семьи с детьми относятся к числу социально-экономически уязвимых групп населения. Эта категория лиц обременена более низкими доходами на каждого члена семьи, что сопряжено с высокими расходами на питание, одежду, образование, медицинское обслуживание и коммунальные услуги. Ситуацию усугубляет необходимость экономически активных членов семьи тратить значительную часть своего времени на уход и воспитание детей, что сокращает их возможности для получения дополнительного заработка. Не случайно в структуре бедности населения значительное место занимают семьи с детьми. Исследования Высшей школы экономики (ВШЭ), основанные на выборочном обследовании бюджетов домашних хозяйств, выявили устойчивую тенденцию увеличения доли детей до 16 лет в структуре бедного населения, возникшую с 2007 г. (Овчарова 2019: 39). Особенно высок уровень бедности среди детей в многодетных семьях (49,4%), а также среди детей из малоимущих сельских семей (40,6%) (РБК 2020). Влияние бедности на детей выделяют из общего феномена бедности, поскольку от раннего развития детей зависят их способности и роль в будущем (Ткаченко 2022). Высокий уровень детской бедности несет серьезную угрозу для общества, так как вызывает долгосрочные негативные последствия.

Доклад ЮНИСЕФ подчеркивает, что отсутствие доступа к основным благам в детстве ведет к необратимым изменениям, оказывающим влияние на здоровье, образование, социальное поведение и будущие экономические возможности (Овчарова, Попова 2005). Монетарная борьба с бедностью играет ключевую роль в государственной поддержке российских семей и демонстрирует свою эффективность во времени. В странах ОЭСР, где социальные выплаты достигают 10% ВВП и выше, уровень детской бедности не превышает 10%. В контрасте со странами, где расходы на социальные нужды менее 5% ВВП, уровень детской бедности не опускается ниже 15% (там же: 2). В России значительная часть федерального бюджета направлена на социальную политику, при этом планируется, что на 2023–2025 гг. на социальные цели будет выделено около 31,5% бюджета, что соответствует примерно 11% ВВП (Счетная палата РФ 2022). Тем не менее несмотря на значительные расходы, уровень детской бедности в стране остается высоким.

Основной причиной, ведущей к сохранению высокого уровня бедности, является неэффективность социальных трансфертов. Решение данной проблемы, по мнению политиков, экспертов и ученых, заключается в повышении адресности выплат. Глава Счетной палаты Алексей Кудрин подчеркнул важность адресности, указав на потенциал многофакторной модели бедности, которая предполагает ограничение социальных выплат при наличии имущественного обеспечения, для снижения уровня бедности (РБК 2021).

Проблематика адресности в отечественном научном дискурсе обозначилась в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Наиболее заметна работа Марины Либоракиной, предлагающая научные разработки и конкретные модели адресных социальных программ на уровне регионов и муниципалитетов (Либоракина 1998). Этот старт поддержала книга под редакцией Натальи Римашевской, в которой представлена апробированная балльная методика оценки нуждаемости и сформулированы рекомендации по организации и предоставлению адресной помощи (Римашевская 1999). Новый этап развития темы адресности отмечен в начале–середине 2010-х гг., когда на основе накопленного опыта внимание акцентируется на проблемах выделения критериев адресности и определения задач для эффективной реализации данного принципа. В это время обсуждаются различные подходы к адресности, включая селективность социальной поддержки и направленность фокуса внимания на целевые группы (Рябова 2011), а также связь адресности с официально фиксированным показателем прожиточного минимума (Тихомирова 2013: 50).

В последние годы внимание исследователей теоретических аспектов адресности сосредоточилось на изучении возможностей использования конкретных инструментов и технологий для поддержки отдельных индивидов и семей. Акцент делается на таких инновационных инструментах, как электронные социальные сертификаты, целевая потребительская субсидия и социальный контракт. Электронные социальные сертификаты

выделяются из набора инструментов благодаря их способности расширять информационное поле взаимодействия между государством и нуждающимся населением, обеспечивая индивидуальные программы поддержки в проактивном режиме, без необходимости сбора дополнительных документов и предотвращая нецелевое использование средств (Буранкова 2019). Обсуждение концепции многомерной бедности стало значимым направлением в исследованиях адресности. Применение Росстатом нового международного метода измерения бедности с использованием индексов немонетарного характера позволило расширить систему оценок показателей бедности. Это расширение позволяет углубить понимание бедности, принимая во внимание разнообразные аспекты жизни индивидов и семей. Подход предполагает не только материальную поддержку, но и меры против географической изоляции и социальной эксклюзии, тем самым способствуя улучшению общего качества жизни (Малева и др. 2019).

Учитывая расширение критериев поддержки и увеличение числа мер помощи, как на федеральном, так и региональном уровнях, возникла необходимость в создании единого реестра получателей социальной помощи. Последний призван обеспечить классификацию и унификацию мер социальной поддержки, населения, персонификацию информации о нуждающихся, а также повышение осведомленности граждан о их правах на социальную поддержку. Он стал важным объектом исследований в области социальной политики.

Тенденция к росту адресной помощи выявила гносеологические противоречия между расширением способов ее предоставления и сохраняющимся акцентом исследований на организационно-управленческие аспекты, уделяя при этом все меньше внимания нуждам населения. Это приводит к ограничению взгляда на проблему адресности и, как следствие, снижает эффективность государственной поддержки. Исследователи предлагают расширить исследовательский фокус через социологическое изучение потребностей адресатов помощи и преодоление ограниченности теоретико-методологических подходов. Они указывают на недостаток методологических разработок для реализации адресного подхода на практике (Бобков и др. 2019: 10).

Ограниченность концепта «благополучие»

Социальное благополучие выступает ключевым концептом в целевых установках социальных институтов и политиках развития. В «Докладе о человеческом развитии 2020», представляющем собой очередной из серии глобальных Докладов о человеческом развитии, которые публикуются Программой развития ООН (ПРООН) с 1990 г. с целью независимого и обоснованного обсуждения важнейших вопросов в области развития, акцентируется внимание на значении благополучной жизни и путях ее достижения (Human... 2020). Аналогично, в Концепции долгосрочного социально-

экономического развития РФ на период до 2020 г., «социальное благополучие и согласие» определены как стратегические ориентиры для достижения общественного прогресса и гармонии (Распоряжение правительства... 2018). Благополучие как социальный ориентир остается важным предметом исследования. В современном мире продолжают глобальные проекты по изучению благополучия, включая инициативу Института Гэллапа, начатую в середине XX в., охватывающую примерно 150 стран и вовлекающую ведущих мировых ученых.

Семантическая широта понятия благополучия охватывает различные аспекты жизни человека и общества. Т. Рат и Дж. Хартер, анализируя данные Института Гэллапа, выделили несколько его видов: профессиональное, социальное, финансовое, физическое и связанное со средой проживания (Рат, Хартер 2011). Однако многогранность благополучия иногда создает противоречия и биполярность. Например, Надежда Суртаева и Жанна Марголина (2017) обсуждают, как паралимпийцы, с медицинской точки зрения неблагополучные, достигают высоких спортивных результатов. Подобные ситуации уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, П. Штомпка отмечает сложность оценки социального благополучия в быстро меняющемся обществе и подчеркивает неадекватность эпизодических исследований для понимания его субъективного компонента (Штомпка 1996).

Теоретическая рамка

При анализе нуждаемости семьи и адресной помощи, по нашему мнению, целесообразно опираться на концепт автономности, который позволяет в отличие от преимущественно материально ориентированного понятия благополучия, глубже изучать социальные аспекты. Автономность фокусирует внимание на самостоятельности и независимости и способствует переходу от финансовой помощи к альтернативным формам поддержки. Термин «благополучие» создает двойственность восприятия, требующую дополнительных пояснений, тогда как «автономность» предлагает более четкую и универсальную концепцию. Автономность подчеркивает независимость и выбор, в отличие от благополучия, которое может различаться в зависимости от культурных, социально-демографических и географических контекстов. Это делает автономность более стабильной категорией для анализа, минимизирующей риск ошибок в исследованиях и упрощающей сравнительный анализ различных аспектов жизни семей.

Упоминание автономности в научных работах говорит о существующем интересе к данному концепту, но в тоже время и о недостаточной его разработанности. Например, Джонатан Херринг обсуждает важность автономии в контексте семейного права и акцентирует внимание на ценностях личной свободы и самостоятельности принятия решений. Автор подчеркивает, что понятие автономии должно быть переосмыслено в контексте

семейных отношений. Он считает, что люди должны формировать свою жизнь самостоятельно и автономная личность является соавтором своей жизни (Herring 2014).

Херринг полагает, что традиционное понимание автономии, основанное на индивидуализме и независимости, не полностью соответствует динамике семейных отношений, где важны взаимозависимость и взаимная забота. Он предлагает концепцию, в рамках которой автономия не может быть реализована в изоляции, но должна учитывать здоровые и поддерживающие отношения. Автор также обращает внимание на недостатки патернализма, когда государство или другие индивиды навязывают свои взгляды другим, основываясь на предположениях о том, что лучше для них. Вместо этого поддержка автономии в семейном праве способствует разнообразию и позволяет людям развивать собственные представления о религии, морали, использовании своего времени и ресурсов, формировании дружеских и общественных связей, способствуя таким образом формированию плюралистического общества.

Эту же тему поддерживает работа «Исследование семьи: основные понятия» авторы которой, обращаясь к идее автономизации семьи обращают внимание на то, как современные социальные процессы, такие как модернизация, глобализация, децентрализация и отказ от патриархальных ценностей поддерживают идею индивидуализации, которая обычно рассматривается как проблема для семьи. Растущий индивидуализм ведет к тому, что люди живут в одиночестве, меньше связывают себя с другими, быстрее отделяются и больше сосредотачиваются на своей индивидуальной работе, чем на семье (Маккарти, Эдвардс 2018: 204). А у тех, кто отдает предпочтение семейной жизни, возникают вопросы о границах автономии, в частности, между дедушками, бабушками и их внуками. Авторы подчеркивают, что норма автономии и приватности в рамках нуклеарной семьи приобретает особое значение. Дедушки и бабушки вынуждены искать тонкий баланс между предоставлением поддержки и помощи с одной стороны, и соблюдением неявных правил невмешательства с другой.

Анна Рабец рассматривает автономность через призму функционирования семьи. Автономность семьи, по ее мнению, связана с самостоятельностью и обособленностью семьи от других общественных и государственных институтов. Она подчеркивает, что семья способна управлять и регулировать отношения внутри самостоятельно, без внешнего вмешательства. Автономность является базовым свойством семьи, позволяющим ей функционировать независимо, обладая для этого собственной внутренней саморегулируемой системой (Рабец 2022).

Феномен автономности тесно связан с понятием самодостаточности. Оба понятия подразумевают стремление индивида или группы к самостоятельности, независимости и способности принимать и реализовывать собственные решения без внешнего вмешательства. Михаил Горшков и Наталья Седова

(2015) связывают самодостаточность с активностью, предприимчивостью, материальной и социальной успешностью. Феномен самодостаточности тесно связан с концепцией автономности прежде всего через признаки личной ответственности, независимости от государственной поддержки и активности в достижении жизненных целей. В контексте автономии самодостаточность может проявляться в способности семьи к самоорганизации, самоподдержанию и саморегуляции без постоянного вмешательства или поддержки со стороны государства. Таким образом, самодостаточность может рассматриваться как одно из проявлений автономии на практическом уровне, где личная или семейная автономия проявляется через экономическую независимость и способность к самоорганизации в социальной и культурной жизни.

Хелен Рис обсуждает индивидуальную автономию в рамках развода и подчеркивает важность ответственности при принятии решений, когда учитываются не только личные интересы, но и благополучие других сторон, вовлеченных в процесс. Таким образом концепция автономии выходит за рамки простой независимости или самодостаточности и включает идею ответственности за свои решения перед другими (Reese 2003).

Элисон Дидак на примере жертв домашнего насилия рассуждает о том, как может пониматься автономия и показывает ее ограничения. Она указывает на сложность определения того, что действительно способствует автономии жертвы, особенно, когда жертвы имеют противоречивые желания: оставаться в отношениях, но при этом полагать, что насилие прекратится. Дидак подчеркивает, что даже если жертвы выражают желание не принимать помощь, это не всегда отражает их глубинную автономию, которая может быть подорвана из-за низкой самооценки, зависимости от насильника, чувства безысходности и тенденции минимизировать или отрицать насилие. Она также затрагивает вопросы государственного вмешательства и его обоснования, включая выражение общественного осуждения домашнего насилия и защиту детей, ставших свидетелями такого насилия (Diduck 2014).

Проанализировав существующую дискуссию по теме, мы будем считать автономной такую семью, которая функционирует как самодостаточная и самоорганизованная группа, способная адаптироваться к изменениям в различных социально-экономических и культурных контекстах. Автономность включает в себя необходимость, способность и готовность ее членов самостоятельно выполнять социальные роли и функции, поддерживая при этом баланс между индивидуальной свободой и обязательствами перед обществом. По нашему мнению, автономность не означает полную изоляцию от общества, а скорее подразумевает наличие границ, которые позволяют семье сохранять определенный уровень самостоятельности без внешнего вмешательства. Автономную семью, таким образом, можно рассматривать как относительно замкнутую экосистему, встроенную в окружающий биоценоз.

Цель нашего исследования заключается в выявлении уровней автономности семей и классификации семейных типов на основе их автономности. Мы стремимся понять, как различные степени автономности влияют на адаптационные стратегии семей, определить характерные особенности различных типов семей в соответствии с их уровнем автономности и разработать рекомендации по внешней поддержке, которые будут адаптированы к уникальным потребностям и условиям каждого типа семей.

Методология исследования

Верификации теоретических представлений о семейной автономности проведена в рамках эмпирического исследования «Формирование социального портрета семей Тюменской области», выполненного по заказу Департамента социального развития Тюменской области в 2020–2021 гг. Исследование, основанное на анкетном опросе взрослых членов семей с детьми, включало восемь блоков вопросов, охватывающих демографию, жизнедеятельность и взаимодействие с властью. Опрос проводился методом самозаполнения с использованием квотной выборки, в ходе которого опрошено 1 200 человек, проживающих в домохозяйствах Тюменской области и имеющих постоянную или временную регистрацию.

Мы хотим отдельно обратить внимание на механизм отбора респондентов, поскольку этот аспект позволяет продемонстрировать специфику автономности семей в пространственном измерении. Выборка строилась с учетом центр-периферийной структуры поселений юга Тюменской области, базируясь на модели, разработанной региональными исследователями для изучения муниципальных образований региона. Идея этой модели сосредоточена вокруг того, как пространственная организация и социально-экономическая среда влияют на уровни развития муниципалитетов (Шелудков и др. 2016). Основываясь на статистических данных о распределении городского и сельского населения и учитывая численность населения в различных типах сельских поселений по данным Росстата, определены квоты для выборочной совокупности: включено 400 чел. из Тюмени, 200 чел. из малых городов, 400 чел. из сельских поселений центрального типа и 200 чел. из сел периферийного типа.

Для кластеризации данных о семейной автономности осуществлена их предварительная подготовка, направленная на унификацию и перекодировку переменных, связанных с критериями автономности. Выделено шесть трехбалльных переменных (критериев автономности) на основе 21 вопроса анкеты: материальная независимость семьи, отражающая самооценку материального положения, перспектив его изменения и обременительность кредитной нагрузки; оценка самостоятельности семьи, основывающаяся на ожидании внешней помощи и обращениях в социальные службы; способность семьи рационально распоряжаться доходами, что

включает особенности распределения доходов и планирование бюджета; социальная защищенность семьи и уверенность в будущем, оценивающая ощущение защищенности от социальных проблем, доступность учреждений поддержки семьи и оценку региональной семейной политики; удовлетворенность семьей качеством жизни, включающая удовлетворенность свободным временем, материальным положением, питанием, жилищными условиями, состоянием окружающей среды, уровнем и качеством услуг сферы культуры, образования и доступностью объектов социальной инфраструктуры; психологическая удовлетворенность внутрисемейными отношениями, охватывающая традиции семейного досуга и общую удовлетворенность различными сторонами жизни.

На этапе классификации использовалась иерархическая кластеризация для анализа критериев, что привело к семи приблизительно равным по численности кластерам семей (табл. 1 приложения). Эти кластеры распределены по трем группам в зависимости от их содержательного наполнения, характеризующего степень автономности семей. Такой подход позволил детализировать типологию семей на основе уровня их автономности с учетом разнообразия жизненных стратегий и условий, в которых они функционируют.

От автономности к зависимости: спектр семейных типов

Переходя к результатам нашего исследования, рассмотрим выделенные в ходе анализа типы семей. Использование иерархической кластеризации позволило нам не только определить семь ключевых кластеров, но и классифицировать семьи по степени автономности.

Автономные семьи

В группу автономных семей включены первый и седьмой кластеры, представляющие семьи, которые в большинстве своем проявляют высокую степень автономности по ряду ключевых критериев. Доля таких автономных семей в общей выборке достигла 27,2%. Семьи, продемонстрировавшие высокие показатели по всему спектру критериев автономности, классифицированы как «пассионарные». Этот сегмент представлен седьмым кластером и составляет 10,2% общей выборки. Пассионарные семьи отличаются исключительной устойчивостью и высокими показателями автономности в различных жизненных сферах. Особенно значимым является их умение грамотно распоряжаться финансовыми ресурсами и искать дополнительные источники дохода, что свидетельствует о высокой степени их материальной независимости. Мы полагаем, что именно этот тип семей обладает наибольшей устойчивостью к потенциальным социально-экономическим потрясениям и в наименьшей степени нуждается в государственной поддержке.

«Уверенные» семьи, формирующие первый кластер и составляющие 17% выборки, также демонстрируют высокую степень автономности, особенно в материальном и психологическом аспектах, а также в аспекте социальной защищенности и уверенности в своем будущем. В отличие от «пассионарных», «уверенные» семьи меньше сосредоточены на стремлении к материальному обогащению и абсолютной независимости, но они сохраняют значительную самодостаточность и автономность в повседневной жизни. Скорее всего в обычных условиях «уверенные» семьи также, как правило, не нуждаются в сторонней поддержке, но в экстраординарных ситуациях у них могут возникнуть проблемы, требующие внешнего вмешательства.

Преимущественно автономные семьи

Преимущественно автономные семьи, объединяющие второй и шестой кластеры, выделяются особым балансом между высокой и средней автономностью по различным критериям. Характерной чертой этих семей являются высокие показатели автономности по двум из шести критериев, в то время как по оставшимся четырем – их показатели оцениваются как средние. Данная группа занимает значительную часть выборки – 31%.

Мы выделили следующий тип семей и обозначили его как «самостоятельные». Он включает в себя семьи из второго кластера, их доля составила 16,7% выборки. Эти семьи отличаются высоким уровнем самостоятельности и материального благополучия и иллюстрируют пример того, как можно эффективно функционировать, полагаясь на собственные ресурсы и не прибегая к внешней помощи. Интересно, что «самостоятельные» семьи наиболее успешно адаптируются к обстоятельствам, когда им доступна понятная и стабильная среда. Особое значение в их стратегии достижения материального благополучия играет ведение собственного дела. Это наблюдение подводит нас к выводу, что для «самостоятельных» семей, сталкивающихся с трудностями, социальный контракт мог бы стать эффективным механизмом поддержки.

«Удовлетворенные» семьи из шестого кластера составили 14,3% выборки. Они демонстрируют наибольшую степень психологического комфорта и уверенности в будущем. Эта группа выделяется своими внутренними ресурсами, основанными на крепких и гармоничных межличностных отношениях внутри семьи. Ключевая роль в автономии «удовлетворенных» семей принадлежит этим глубоким, стабильным связям, которые, как мы полагаем, могут служить основой для их участия в общественной жизни. Такие семьи могут предложить значительную поддержку социальным службам, например, через волонтерскую деятельность или патронаж, становясь ценным ресурсом в решении социальных задач.

Полуавтономные семьи

Полуавтономные семьи, представленные третьим кластером и занимающие 15,2% выборки, объединены условным наименованием «уравновешенные».

Этот кластер уникален тем, что все его показатели автономности располагаются в средней зоне, не выделяясь ни особенно высокими, ни низкими значениями. Семьи этого типа, как правило, обходятся без внешней помощи, но при этом они подвержены определенному риску столкновения со сложными ситуациями, часто коренящимися в внутрисемейных проблемах. Именно поэтому для «уравновешенных» семей может быть особенно ценной внешняя социально-психологическая поддержка, способная помочь им в преодолении возможных трудностей и укреплении их внутренних ресурсов и связей.

Неавтономные семьи

Также мы выделили категорию неавтономных семей, объединяющих представителей четвертого и пятого кластеров. Их общей чертой является низкий уровень материальной независимости, при этом они демонстрируют различия по другим параметрам автономности. Наиболее уязвимыми являются «зависимые» семьи (IV кластер – 15,5% выборки). Они отличаются минимальными показателями по большинству критериев. Эти семьи, вероятно, в наибольшей степени нуждаются во внимании социальных служб, и к ним целесообразно применять комплексный подход в рамках социальной работы.

Другой тип семей, «стесненные» (V кластер – 11,1% выборки) представляет собой группу, которая, несмотря на ограниченные материальные ресурсы, выражает высокую степень удовлетворенности своей жизнью и внутрисемейными отношениями. Отличительной чертой данного типа является высокий уровень социальной мобильности, активный поиск дополнительных источников дохода и умение рационально им распоряжаться. Причины их неавтономности могут быть временными или объективными, такими как потеря работы, статус неполной семьи или молодой семьи, столкнувшейся с начальными трудностями. Предоставление прямой материальной поддержки таким семьям представляется эффективной мерой, способной предотвратить формирование иждивенческих установок и оказать необходимую помощь в решении их текущих проблем.

Анализ территориального распределения типов семей в различных видах поселений региона выявил интересные тенденции (табл. 2 приложения). «Автономные» семьи оказались наиболее распространены в малых городах, тогда как в крупных городах они представлены в меньшей степени. Тип «пассионарных семей» преобладает в малых городах, а тип «уверенных» семей представлен меньше всего в Тюмени. «Преимущественно автономные» семьи распределены более равномерно по всему региону и не демонстрируют выраженной зависимости от типа поселения. В отличие от них, «полуавтономные семьи» чаще всего встречаются в периферийных поселениях, при этом в малых городах их доля минимальна. «Неавтономные семьи» наиболее типичны для крупного города, такого как Тюмень, в то время как в сельских поселениях их присутствие значительно меньше. Применение критерия хи-квадрат подтвердило статистическую значимость обнаруженных различий между типами семей.

Заключение

Представленная нами концепция автономности семьи и ее эмпирическая проверка через создание типологии обнаружили уникальные особенности семей в региональном контексте. Эти результаты могут играть важную роль в адаптации и реализации адресного подхода к социальной поддержке. Однако следует понимать, что предложенная типология не является абсолютной и содержит в себе элементы условности. Сущность кластерного анализа влечет за собой разнообразие классификаций, при этом выбор социологических индикаторов для определения критериев автономности открывает путь к формированию практически неограниченного числа потенциальных типов семей. Чтобы представить «рабочую» модель для конкретного региона, потребуется глубокий аналитический подход и обширная исследовательская работа. Таким образом, наше исследование носит экспериментально-поисковый характер и служит иллюстрацией принципа работы с концептом автономности.

Анализ пространственного распределения семей различных типов подчеркивает значимость экономико-географического контекста места проживания для определения уровня автономности семей. Это связано с тем, что условия, в которых живут семьи, включая доступность ресурсов и социально-экономические особенности территории, непосредственно влияют на их адаптационные процессы. Так экономико-географическое пространство не только формирует внешнюю среду, непосредственно влияющую на жизнь семьи, но и определяет стратегии, которые семьи применяют для снижения внешнего давления и поддержания своей автономии.

Утверждение рассмотренного нами определения автономности в академическом дискурсе и его применение в качестве основополагающего критерия для адресности социальной поддержки обещает значительно повысить эффективность и целесообразность подобных мер. Адресность, выполняющая роль координирующего механизма, способствует оптимизации системы социального обеспечения и облегчает семьям устойчивое функционирование в стабильных условиях. В то же время в периоды социально-экономической нестабильности и кризисов особенно актуальным становится вопрос о способности семьи к самостоятельности и автономному существованию.

Именно автономность семьи лежит в основе ее способности к самоорганизации и самоподдержке, предоставляя широкие возможности для самостоятельного определения и реализации собственных потребностей и интересов. Это не только вопрос наличия необходимых ресурсов – материальных, психологических, социальных и географических, но и готовности, а также способности членов семьи эффективно действовать, используя имеющиеся возможности для обеспечения своего благополучия и развития. Важным аспектом автономии является умение семьи определять приоритеты своих потребностей и находить наиболее рациональные пути их удовлетворения, опираясь на доступные ресурсы.

Признание сложности анализа социально-психологических аспектов поведения семей и их членов затрудняет оценку готовности и способности к автономности, и, как следствие, построение эффективных стратегий социальной поддержки. Это связано с необходимостью переноса фокуса на внутреннюю динамику семьи, активизируя ее субъектность и выделяя роль индивидуального выбора и самостоятельного поиска решений. Такой подход предполагает проведение дополнительных исследований для глубокого понимания механизмов, лежащих в основе семейной автономии.

В то же время ограничивать адресную помощь исключительно критерием материальной нуждаемости означает игнорировать многочисленные факторы, влияющие на состояние бедности и ее проявления. Такой подход упускает из виду комплексность проблем малообеспеченности и усложняет разработку эффективных программ по их преодолению. Использование денежного показателя в качестве единственного критерия адресности поддержки упрощает понимание бедности. В контексте этих сложностей автономность семьи выступает как ключевой фактор, способствующий развитию и реализации стратегий удовлетворения собственных потребностей. Автономность не только обусловлена наличием разнообразных ресурсов, но и требует активного участия членов семьи в процессе их использования для достижения устойчивого функционирования. Автономность также активизирует стремление семьи к реализации индивидуальных достижений и социальных статусов и нацеливает на эффективное использование имеющихся возможностей. Таким образом, включение понятия автономности в анализ нуждаемости позволяет глубже понять многоаспектность бедности и предложить более целенаправленные и комплексные стратегии для ее преодоления, сфокусированные на развитии потенциала семей к самостоятельному решению своих проблем.

Также наше исследование демонстрирует статистически значимое влияние территориальных особенностей на условия жизни семей. Это подчеркивает важность активной роли региональных властей в решении социальных проблем населения и подтверждает необходимость поиска и развития новых, более эффективных форм социальной поддержки.

Уникальность каждого региона и особенности семей, проживающих на его территории, подчеркивают важность непрерывного мониторинга и адаптации подходов в сфере социальной политики и практики. «Региональность» семейных проблем и многообразие понимания автономности требуют глубокого понимания контекстов и непрерывного отслеживания изменений в условиях жизни семей. Критически важно проведение постоянных исследований семейного благополучия и автономности на местном уровне в режиме мониторинга. Такие исследования позволят своевременно корректировать приоритеты региональной социальной политики и подходы в социальной работе, делая их более чувствительными к изменениям и потребностям семей.

Приложение

Таблица 1

Содержательная характеристика результатов кластерного анализа¹

Уровень	Кластеры, %, (итог по столбцу)						
	1	2	3	4	5	6	7
Критерий «Материальная независимость семьи»							
Низкий	0	0	1	95	51	41	0
Средний	25	26	63	6	49	59	15
Высокий	75	74	36	0	0	0	85
Критерий «Оценка самостоятельности семьи»							
Низкий	18	0	10	19	37	2	0
Средний	82	10	78	48	47	50	25
Высокий	0	90	12	32	16	48	75
Критерий «Социальная мобильность и способность семьи искать дополнительные источники доходов и рационально ими распоряжаться»							
Низкий	14	13	20	37	0	30	0
Средний	70	87	71	56	77	55	0
Высокий	16	0	10	7	23	15	100
Критерий «Социальная защищенность семьи и ее уверенность в будущем»							
Низкий	0	6	39	43	16	1	1
Средний	33	52	59	57	76	32	35
Высокий	67	42	3	1	8	67	64
Критерий «Социальная удовлетворенность семьей качеством жизни»							
Низкий	1	3	11	21	0	0	5
Средний	54	52	73	61	23	66	39
Высокий	45	45	15	17	77	34	56
Критерий «Психологическая удовлетворенность внутрисемейными отношениями»							
Низкий	2	0	26	30	7	2	0
Средний	37	59	66	64	79	26	42
Высокий	61	41	8	6	14	72	58

¹ Ячейки с наибольшими значениями в ряду отмечены выделением.

Таблица 2

Распределение групп семей в различных типах поселений (%)

	Тип поселения				Итого (ср. знач.)
	Тюмень	Малые города	Центральные села	Периферийные села	
Автономные					
1 кластер (уверенные)	9,3	19,9	20,1	20,1	17,0
7 кластер (пассионарные)	7,8	14,1	10,8	9,5	10,2
Сумма	17,1	34	30,9	29,6	27,2
Преимущественно автономные					
2 кластер (самостоятельные)	18,5	17,3	14,4	17,9	16,7
6 кластер (удовлетворённые)	11,9	12,8	18,9	10,6	14,3
Сумма	30,4	30,1	33,3	28,5	31
Полуавтономные					
3 кластер (уравновешенные)	17,8	7,7	13,5	21,2	15,2
Неавтономные					
4 кластер (зависимые).	20,4	11,5	14,7	12,8	15,5
5 кластер (стесненные)	14,4	16,7	7,5	7,8	11,1
Итого	34,8	28,2	22,2	20,6	26,6

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Материалы для анализа

Human Development Reports (2020) *Доклад о человеческом развитии 2020. Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен*. Доступно по ссылке: https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020overviewrussianpdf_1.pdf (дата обращения: 25 мая 2023).

Распоряжение правительства РФ (2018) *О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»*, № 1662-р от 17.11.2008 (ред. от 28.09.2018). Доступно по ссылке: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 25 мая 2023).

РБК (2020) *Каждый пятый ребенок в России оказался за чертой бедности*. Доступно по ссылке: <https://www.rbc.ru/economics/04/08/2020/5f27c9789a794792daa29177> (дата обращения: 25 мая 2023).

РБК (2021) *Несколько сот миллиардов могли бы снизить бедность вдвое*. Доступно по ссылке: <http://surl.li/ullnw> (дата обращения: 25 мая 2023).

Росстат (2023) *О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в III квартале 2023 года в целом по Российской Федерации*. Доступно по ссылке: <http://surl.li/ullob> (дата обращения: 23 декабря 2023).

Счетная палата РФ (2022) *Заключение на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»*, № ЗСП-116/24 от 14.10.2022. Доступно по ссылке: <http://surl.li/ulloh> (дата обращения: 25 мая 2023).

Список источников

Буранкова М. А. (2019) Оказание адресной социальной помощи на основе электронного социального сертификата. *Актуальные вопросы современной экономики*, (5): 206–218.

Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В. (2019) Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми. *Уровень жизни населения регионов России*, (1): 9–19.

Горшков М. К., Седова Н. Н. (2015) «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты. *Социологические исследования*, (12): 4–16.

Либоракина М. И. (1998) *Адресная социальная поддержка населения. Уровень местного самоуправления*. М.: Фонд «Институт экономики города».

Маккарти Д. Р., Эдвардс Р. (2018) *Исследования семьи: основные понятия*. М.: ВШЭ.

Малева Т. М., Гришина Е. Е., Цацура Е. А. (2019) *Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность*. М.: Дело, РАНХиГС.

Овчарова Л. Н. (ред.) (2019) *Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки. Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества*. М.: ВШЭ.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О. (2005) *Детская бедность в России: тревожные тенденции и выбор стратегических действий*. М.: ЮНИСЕФ, НИСП.

Рабец А. М. (2022) Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы). *Lex russica*, 75 (11): 100–111.

Рат Т., Хартер Дж. (2011) *Пять элементов благополучия: инструменты повышения качества жизни*. М.: Альпина Паблишер.

Редькина А. И. (2016) Концепция автономности в праве: теоретический аспект. *Право и образование*, 11 (1): 13–21.

Римашевская Н. М. (ред.) (1999) *Адресная социальная помощь: теория, практика, эксперимент*. М.

Рябова Е. Н. (2011) Адресная социальная помощь. *Ученые записки Российского государственного университета*, (10): 13–18.

Суртаева Н. Н., Марголина Ж. Б. (2017) Социальное благополучие в современных условиях как научная и учебная проблема. *Вестник НВГУ*, (3): 57–62.

Тихомирова В. В. (2013) *Адресная социальная помощь в системе социальной защиты населения*. Сыктывкар.

Ткаченко А. А. (2022) Детская бедность: феномен и явление. *Народонаселение*, (1): 43–54.

Шелудков А. В., Рассказов С. В., Фарахутдинов Ш. Ф. (2016) *Сельские муниципалитеты юга Тюменской области: пространство, статистика, власть*. Москва: Страна Оз.

Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-пресс.

Diduck A. (2014) Autonomy and Vulnerability in Family Law: The Missing Link. In: J. Wallbank, J. Herring (eds.) *Vulnerabilities, Care and Family Law*. London: Routledge: 287–314.

Herring J. (2014) Relational Autonomy and Family Law. *Springer Briefs in Law*: 10.1007/978-3-319-04987-8_1.

Reece H. (2003) *Divorcing Responsibly*. Hart Publishing, Oxford, UK.

*Shamil Farakhutdinov, Lamara Mekhrishvili,
Nina Tkacheva, Andrey Yudashkin*

AUTONOMY AS A CRITERION FOR THE PRINCIPLE OF TARGETING STATE SOCIAL SUPPORT TO REGIONAL FAMILIES

This article highlights the problem of the high level of poverty among families with children in Russia. It is noted that the most effective way to combat this phenomenon is the monetary nature of support. However, the inefficiency of social transfers makes it impossible to solve the problem. The solution, according to experts, is to make payments more targeted. Despite the significant development of the problem of targeting, its actual implementation faces a number of difficulties, one of which is the limitations of the existing theoretical and methodological guidelines that characterize the directives for social development. Thus, the need to expand the theoretical base in order to more clearly identify the recipients of state support is actualized. It is proposed to use the concept of autonomy as a basis for the application of the principle of targeting in social policy towards families. In the course of the theoretical analysis, it is shown that the identical concept of “well-being”, has long been the methodological basis for research and targeting in social policy, has drawbacks when working with families. The verification of the ideas about the nature of family autonomy was reflected in the analysis of the results of an empirical study, conducted by the authors in the form of a questionnaire. The use of cluster analysis made it possible to create a typology of families in terms of their autonomy and to consider the spatial distribution of the types obtained in the Tyumen region. The variability of autonomy as a social characteristic, its dependence on various factors, primarily territorial ones, is noted. The article concludes by stressing the key role of regional family policy in ensuring the quality of life of the family population. of regional family policy in ensuring the quality of life of the family population.

Keywords: family, social policy, targeting, well-being, autonomy, typology, region

---

Shamil Farakhutdinov – Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. Senior Researcher, Institute of Problems of Northern Development of the Tyumen Scientific Center SB RAS, Tyumen, Russian Federation. Email: fshamil@mail.ru

Lamara Mekhrishvili – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Humanities and Technologies, Tyumen Industrial University; Director, West Siberian Branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation. Email: mehrishvilil@tyuiu.ru

Nina Tkacheva – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University; Chief Researcher, West Siberian Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation. Email: tkachevana@tyuiu.ru

Andrey Yudashkin – Graduate Student, Tyumen Industrial University; Junior Researcher, West Siberian Branch of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russian Federation.. Email: ajelers@gmail.com

Citation: Farakhutdinov Sh., Mekhrishvili L., Tkacheva N., Yudashkin A. (2024) Avtonomnost' kak kriteriy printsipa adresnosti gosudarstvennoy sotsial'noy podderzhki semey [Autonomy as a Criterion for the Principle of Targeting State Social Support to Regional Families]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (2): 319–338.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-319-338

References

- Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. (2019) Metodologicheskie podkhody k usileniyu adresnosti sotsial'noy podderzhki maloimushchikh semey s det'mi [Methodological Approaches to Strengthening the Targeting of Social Support for Low-Income Families with Children]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The Standard of Living of the Population of the Regions of Russia], (1): 9–19.
- Burankova M. A. (2019) Okazanie adresnoy sotsial'noy pomoshchi na osnove elektronogo sotsial'nogo sertifikata [Providing targeted social assistance on the basis of an electronic social certificate]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj jekonomiki* [Current Issues of Modern Economics], (5): 206–218.
- Diduck A. (2014) Autonomy and Vulnerability in Family Law: The Missing Link. In: J. Wallbank, J. Herring (eds.) *Vulnerabilities, Care and Family Law*. London: Routledge: 287–314.
- Gorshkov M. K., Sedova N. N. (2015) 'Samodostatochnye' rossiyane i ikh zhiznennye priority. ['Self-sufficient' Russians and Their Life Priorities]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (12): 4–16.
- Herring J. (2014) *Relational Autonomy and Family Law*. Springer: DOI 10.1007/978-3-319-04987-8.
- McCarthy D.R., Edwards R. (2018) *Issledovaniya sem'i: osnovnye ponyatiya* [Family Research: Basic Concepts]. Moscow: HSE University.
- Liborakina M. I. (1998) *Adresnaya social'naya podderzhka naseleniya. Uroven' mestnogo samoupravleniya* [Targeted social support of the population. Level of local government]. Moscow: Institute of Urban Economics Foundation.
- Maleva T. M., Grishina E. E., Tsatsura E. A. (2019) *Sotsial'naya politika v dolgosrochnoy perspektive: mnogomernaya bednost' i effektivnaya adresnost'* [Social Policy in the Long Term: Multidimensional Poverty and Effective Targeting]. Moscow: Delo, RANEPa.
- Ovcharova L. N. (ed.) (2019) *Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsial'noy podderzhki* [Families with Children in Russia: Standard of Living and Social Support Policy]. Moscow: HSE University.
- Ovcharova L. N., Popova D. O. (2005) *Detskaya bednost' v Rossii: trevozhnye tendentsii i vybor strategicheskikh deystviy* [Child Poverty in Russia: Alarming Trends and Policy Choices]. Moscow: UNICEF, Independent Institute for Social Policy.
- Rabets A. M. (2022) Mesto sem'i v pravovom prostranstve: yuridicheskaya kharakteristika sem'i v Rossiyskoy Federatsii i v otdel'nykh zarubezhnykh gosudarstvakh (normotvorcheskiy opyt i problemy) [The Place of the Family in the Legal Space: The Legal Char-

acteristics of the Family in the Russian Federation and in Certain Foreign States (Rule-Making Experience and Problems). *Lex russica*, 75 (11): 100–111.

Rath T., Kharter Dzh. (2011) *The Five Elements of Well-Being: Tools for Improving the Quality of Life*. Moscow: Alpina Publishers.

Redkina A. I. (2016) Kontseptsiya avtonomnosti v prave: teoreticheskiy aspekt [The Concept of Autonomy in Law: The Theoretical Aspect]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 11 (1): 13–21.

Reece H. (2003) *Divorcing Responsibly*. Hart Publishing, Oxford, UK.

Rimashevskaya N. M. (ed.) (1999) *Adresnaya sotsial'naya pomoshch': teoriya, praktika, eksperiment* [Targeted Social Assistance: Theory, Practice, Experiment]. Moscow.

Ryabova E. N. (2011) Adresnaya sotsial'naya pomoshch' [Targeted Social Assistance]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State University], (10): 13–18.

Sheludkov A. V. (2016) *Sel'skie munitsipaliteti yuga Tyumenskoy oblasti: prostranstvo, statistika, vlast'* [Rural Municipalities in the South of the Tyumen Region: Space, Statistics, Power]. Moscow: Land of Oz.

Surtaeva N. N., Margolina Zh.B. (2017) Sotsial'noe blagopoluchie v sovremennykh usloviyakh kak nauchnaya i uchebnaya problema [Social Well-being in Modern Conditions as a Scientific and Educational Problem]. *Vestnik NVGU* [Bulletin of NVGU], (3): 57–62.

Sztompka P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of Social Change]. Moscow: Aspect-press.

Tikhomirova V. V. (2013) *Adresnaya sotsial'naya pomoshch' v sisteme sotsial'noy zashchity naseleniya* [Targeted Social Assistance in the System of Social Protection of the Population]. Syktyvkar.

Tkachenko A. A. (2022) Detskaya bednost': fenomen i yavlenie. [Child Poverty: Phenomenon and Characteristics]. *Narodonaselenie* [Population], 25 (1): 43–54.